
ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной, XXI по счету, том документальной серии «Восстание декабристов» посвящен восстанию на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Следственные дела основных участников восстания уже опубликованы в предыдущих томах серии, опубликованы и дела тех декабристов-северян, которые не были отданы под суд, но представляется доказанной принадлежность их к тайному обществу. В новый том включены ранее не публиковавшиеся дела лиц, сочтенных следствием непричастными к декабристскому обществу, но так или иначе оказавшихся участниками или свидетелями событий дня – 14 декабря. Офицеры и солдаты восставших полков, замеченные в предосудительных либо подозрительных словах и поступках офицеры других полков гвардии (в первую очередь Измайловского, а также Финляндского, Уланского, Конной артиллерии); лица, связанные с декабристами родственными или дружескими узами и потому заподозренные в причастности к заговору; наконец, те, кто был арестован в тот день случайно. Отметим вдобавок дела тех, кто после поражения восстания помог спрятаться отдельным декабристам (актер Борецкий, в доме которого укрылся М.А. Бестужев; А.А. Жандр, приютивший А.И. Одоевского; А.Я. Лешевич-Бородулич, впустивший к себе Н.А. Бестужева), а также дело о фейерверкере П. Белорусове, участвовавшем в аресте Н.А. Бестужева. В XXI том вошли практически все не изданные ранее дела на лиц, допрошенных генералами К.Ф. Толем и В.В. Левашовым в первые дни после восстания. До настоящего времени, оставаясь неопубликованными, дела эти зачастую ускользали от внимания исследователей¹, и издание позволит полнее ввести их в научный оборот. Помимо персональных следственных дел в том включены и тематические дела Следственного комитета о поступках офицеров 14 декабря, о рядовых солдатах – участниках восстания, о ранении М.А. Милорадовича и Н.К. Стюрлера.

При отборе дел для публикации критериями служили причастность фигурантов к событиям 14 декабря, а также содержательность самого дела. В ряде случаев пришлось отказаться от публикации в томе дел на лиц, замешанных в тех или иных эпизодах восстания и даже привлекавших к себе внимание исследователей, по той простой причине, что сами дела на проверку оказались совершенно неинформативными. В них отсутствуют собственно первичные материалы расследования – показания, выписки из собранных полковыми следственными комиссиями сведений и прочие виды документов, которые могли бы добавить что-либо к нашим знаниям о восстании на Сенатской площади. Эти дела состоят лишь из вторичных, копийных документов – выписок показаний декабристов о подозреваемом², не слишком существенной официальной переписки насчет имеющихся подозрений против данного лица и принятого по нему решения (оставить без последствий, перевести по

¹ Например, в классическом труде М.В. Нечкиной «День 14 декабря 1825 года» (3-е изд. М., 1985) можно найти лишь несколько ссылок на них; не обнаруживаются сведения из публикуемых дел в книге А.Е. Преснякова «14 декабря 1825 года» (М.; Л., 1926). К документам некоторых из этих дел обращался Я.А. Гордин (Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л., 1989).

² Эти показания давно опубликованы и введены в научный оборот.

службе и т. д.). Эти документы, несомненно, представляют интерес для биографов упоминаемых лиц, но не соответствуют задачам настоящего издания¹.

Таким образом можно сказать, что публикация XXI тома «Восстания декабристов» исчерпывает дела следствия, относящиеся непосредственно к восстанию на Сенатской площади и хранящиеся ныне в фонде высочайше учрежденного Следственного комитета (Государственный архив РФ, фонд 48).

В качестве документальных приложений в издание включен также ряд документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), пополняющих наши сведения о выступлении на Сенатской площади. Эта подборка не претендует на полноту охвата документов РГВИА, касающихся 14 декабря, однако включает в себя материалы, служащие дополнением, в ряде случаев немаловажным, к публикуемым делам Следственного комитета. Впрочем, и сам комплекс материалов военного ведомства о деле декабристов неполон: в нем отсутствует важнейшая составная часть – материалы следственных комиссий, созданных при трех мятежных полках (лейб-гвардии Московском, Лейб-гренадерском и Морском гвардейском экипаже). Архивы полковых следствий не сохранились, до нас дошли лишь копии отдельных документов в составе дел Следственного комитета, либо по тем или иным причинам приобщенные к различным делам из фондов РГВИА².

Полезным дополнением к материалам РГВИА служит ряд документов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), восполняющих недостающие в военно-историческом архиве сведения о Морском гвардейском экипаже³.

Среди отобранных для настоящего тома документов военно-исторического и флотского архивов отметим в первую очередь материалы о рядовых участниках восстания, довольно слабо задействованные в декабристских исследованиях. Это неудивительно: документы не очень-то согласуются с принятой в советской ис-

¹ Любопытен сам по себе факт существования этих дел в архиве Следственного комитета. Известно, что далеко не на всякого попавшего в орбиту следствия человека имеется отдельное дело, а формирование дел осуществлялось в Комитете в конце следствия. И состав обсуждаемых дел, и копийный характер материалов в них также свидетельствуют, что они и не могли быть созданы в ходе самого расследования (как было бы в случае, когда человек попадает под подозрение – на него заводят дело; подозрения не подтверждается – и дело поэтому оказывается «пустым»). Таким образом, значит, в отношении ряда лиц, вроде бы следствием оправданных, все же сохранялись определенные подозрения, в силу которых по окончании следствия были сформированы персональные дела и укомплектованы выписками или сводками показаний. Очевидно, это могло служить лишь для справочных нужд в дальнейшем: заинтересованные должностные лица могли запросить, что имелось у Комитета насчет того или иного чиновника (и в делах такие запросы действительно есть).

² Ряд извлечений из материалов полкового следствия в лейб-гвардии Московском полку был процитирован в истории полка, написанной Н.С. Пестриковым (см.: Пестриков Н.С. История л.-гв. Московского полка. СПб., 1903–1904. Т. 2). В то время секретное следственное дело с множеством допросов офицеров и рядовых полка еще находилось в полковом архиве, и Н.С. Пестриков на его основании подробно реконструировал события восстания. После исчезновения полкового следственного дела работа Пестрикова остается ценнейшим источником сведений, многие из которых подтверждаются и публикуемыми в настоящем томе материалами; и несмотря на некоторую свою тенденциозность представляется, что работа была незаслуженно обойдена вниманием последующих исследователей событий 14 декабря.

³ Документы РГА ВМФ выявлены и любезно предоставлены для настоящего издания А.А. Кононовым.

ториографии концепцией о сочувствии солдатских масс идеалам декабризма, а также показывают малоприятную сторону первого революционного выступления – человеческие жертвы.

Впрочем, сказанное относится и к многим из публикуемых дел фонда Следственного комитета. Описывая периферию восстания такой, как ее увидели мало замешанные, случайно попавшие в орбиту событий люди – свидетели, вольные и невольные соучастники, дела эти создают угол зрения на события, отличный от того, под каким их видели вожди и главные участники выступления (и в немалой мере хотели видеть многие исследователи). То, что для самих декабристов было окрашено пафосом гражданского служения, героизма и самопожертвования, драматических сомнений и трагического поражения, на периферии восстания (а стало быть, для множества, если не большинства, вовлеченных в него людей) оборачивалось сумятицей, неразберихой, неясностью целей и смысла происходившего, смятением относительно собственной позиции в потоке событий того исторического дня.

Главные персонажи XXI тома серии «Восстание декабристов» – это те офицеры – участники восстания, которые не были отданы под суд, поскольку не была доказана их причастность к тайным обществам. Таким образом, можно предположить, что их взгляд на события, степень информированности, поступки и мотивы могли оказаться иными, нежели у членов Северного общества. И действительно, возьмем хотя бы лежащую на поверхности тему повторной присяги. Если для членов общества вопрос о принесении присяги Николаю Павловичу служил лишь поводом для выступления и предъявления требований Сенату о преобразовании государственного строя, то, как видно из публикуемых документов, для непосвященных в заговор офицеров (как и для рядовых солдат) главным вопросом дня оказалась именно правомерность повторной присяги, а о далеко идущих намерениях вождей восстания они не знали.

В то же время документы, касающиеся тех, кто сумел оправдаться в ходе следствия, неизбежно ставят исследователя перед вопросом, окончательно разрешить который вряд ли возможно на основании существующих источников: действительно ли каждый из этих подозреваемых не имел касательства к декабризму, или ему просто более успешно, чем другим, удалось скрыть от следствия свою причастность? А кому-то из них, похоже, и само следствие намеренно позволило это сделать (как, возможно, это произошло с юнкером князем А.А. Суворовым, внуком прославленного полководца, – его участие в заговоре выглядело бы чересчур скандально). Очевидно, среди арестованных на первых порах, сразу после выступления на Сенатской площади, были как руководители и деятельные члены тайных обществ, активные участники восстания, так и люди, втянутые в события случайно или вовсе в сумятице арестованные по ошибке. Но мы не всегда можем быть твердо уверены, что знаем, как отличить первых от вторых и третьих.

Невозможно более-менее отчетливо реконструировать историю восстания декабристов (да и декабристского движения в целом), не прояснив картину следствия над ними: ведь основной массив дошедших до нас источников был создан именно в ходе следствия, а в них объективная картина событий искажается стремлением допрашиваемых – оправдаться, а допрашивающих – найти материал для обвинения. И поскольку лишь на их основании мы можем судить о многих эпизодах восстания и не имеем возможности проверить их независимыми источниками, тем большее значение приобретают документы, позволяющие заглянуть за кулисы следствия, понять обстановку, в которой действовала власть после декабрьского восстания, способы и методы расследования. В этом отношении пуб-

ликуемые материалы также содержат сведения, служащие немаловажным дополнением к уже введенным в научный оборот данным. Например, в деле «О поступках офицеров» содержится переписка Следственного комитета с гвардейскими полками о проведении допросов подозреваемых. Полезны исследователю будут и сделанные нами подстрочные примечания, где указано, чьими почерками написаны публикуемые документы и разнообразные резолюции и пометы на них – во многих случаях это позволяет определить обстоятельства создания документа и его место в системе документации следствия¹.

Восстание 14 декабря началось в лейб-гвардии Московском полку, где главными двигателями возмущения были служившие там М.А. Бестужев и Д.А. Щепин-Ростовский, а также приехавший в полк А.А. Бестужев. Другие офицеры полка (М.Ф. Кудашев, В.Ф. Волков, А.А. Брое, А.А. Корнилов, П.И. Цицианов) серьезно подозревались в соучастии в восстании, но в конечном итоге были признаны невиновными или отделались сравнительно легкими взысканиями. Из них лишь М.Ф. Кудашев был допрошен В.В. Левашовым, в отношении остальных расследование велось полковой комиссией. Поскольку материалы ее не сохранились, тем большую ценность приобретают представленные ею в Следственный комитет выписки о поступках подозреваемых офицеров (это в полной мере относится и к материалам следствий в двух других восставших полках, Лейб-гренадерском и Морском экипаже). Они составлялись на основании добытых комиссией сведений, в том числе допросов рядовых солдат, и содержат ряд деталей, отсутствующих в показаниях декабристов. Из дела «О поступках офицеров» видно, что в конце января 1826 г. полковые комиссии получили от высочайше учрежденного Следственного комитета стандартные вопросники из четырех пунктов, охватывавшие события дня 14 декабря от присяги до ареста подозреваемого. Эти вопросы были положены в основу выписок о поступках офицеров, оформлявшихся как ответы на них. Выписки таким образом могут пополнить наши сведения о том, как проходила присяга в полках, как началось и продолжалось восстание, но заведомо не касаются предыстории восстания, предварительных совещаний, да и в целом деятельности Северного общества. Этот пробел восполняет подготовленная в полковой комиссии справка по показаниям В.Ф. Волкова, А.А. Брое, П.И. Цицианова², а главное – подробная «Выписка об обстоятельствах, сопровождавших бывшее лейб-гвардии в Московском полку 14 декабря 1825 года происшествие до дня присяги (14 декабря)», суммирующая, по-видимому, все, что комиссии удалось установить на этот предмет³.

О совещаниях декабристов накануне восстания, колебаниях офицеров-москвитцев, приносить ли присягу Николаю Павловичу, повествуют и два хранящихся в деле «О поступках офицеров» показания М.А. Бестужева и Д.А. Щепина-Ростовского (док. 6, 7). В них декабристы довольно подробно объяснили, в какой мере они рассчитывали на содействие однополчан.

¹ В предыдущих томах серии примечания о почерках не делались, однако том XVI снабжен комментариями, в которых указаны почерки всех вопросных пунктов, упоминаемых в «Журнале заседаний Следственного комитета». Представляется, что эту полезную практику следует сохранять и в дальнейшем.

² См.: Дело о поступках офицеров, участвовавших в возмущении 14 декабря 1825 г. и прикосновенных к делу о злоумышленных обществах. Док. 5.

³ См.: Там же. Док. 20.

Дополняют материалы о выступлении Московского полка два документа из архива штаба Отдельного гвардейского корпуса (РГВИА). Отношение великого князя Михаила Павловича командующему корпусом генералу А.Л. Воинову содержит описание одного из самых драматичных моментов начала восстания, когда Д.А. Щепин-Ростовский ударами сабли изранил бригадного командира генерала Шеншина, и лишь заступничество унтер-офицера Харлама Григорьева спасло генерала от немедленной гибели, за что Григорьев был впоследствии награжден¹. В рапорте командующего бригадой генерала Исленьева Михаилу Павловичу описывается храбрость поручика лейб-гвардии Московского полка графа Ал.К. Ливена, несмотря на угрозы А.А. Бестужева; удержавшего солдат своей роты от участия в восстании². Этот эпизод присутствует в помещаемых в настоящем издании показаниях унтер-офицера А. Сергузеева, но из них вроде бы следует, что старания Ливена были напрасны, и Бестужеву, отогнав Ливена выстрелом, удалось увлечь роту за собой. Допрашивали на этот счет и А.А. Бестужева, который не признался, что стрелял по Ливену³. Представляется, что в данном случае наибольшего доверия заслуживает версия событий, изложенная в рапорте Исленьева: маловероятно, чтобы полковое начальство могло ошибиться насчет того, ушла ли рота с восставшими или осталась в казармах, и представило Ливена к незаслуженной награде (которую тот получил).

Отметим также весьма содержательную выписку из материалов полковой следственной комиссии, суммирующую сведения о еще одном ключевом эпизоде начала восстания – драке на полковом дворе за знамя⁴.

Также в РГВИА, в архиве канцелярии дежурного генерала, находятся копии допросов двух фельдфебелей и унтер-офицера лейб-гвардии Московского полка (Е. Григорьева, К. Нежинцова и упомянутого выше А. Сергузеева), подробно описавших события в полковых казармах в день 14 декабря. Эти показания, данные полковой следственной комиссии, подробны, точны и настолько близки между собой, что возникает мысль об их унификации при записи аудитором. Все три допроса были опубликованы А. Шебаловым в 1925 г. в журнале «Красный архив»⁵, но с рядом купюр и сплошным текстом, не позволяющим определить границы каждого документа. Поскольку публикация несовершенна, во многом устарела и стала библиографической редкостью, устарели и сделанные в ней архивные ссылки⁶, а в настоящем издании собран блок материалов, касающихся рядовых участников восстания, было сочтено полезным осуществить здесь републикацию этих документов по архивным подлинникам.

¹ См. Приложение. Из дела штаба Отдельного гвардейского корпуса о награждении унтер-офицера лейб-гв. Московского полка Х. Григорьева. Док. 1.

² См. Приложение. Из дела штаба Отдельного гвардейского корпуса о награждении офицеров и солдат, участвовавших в подавлении восстания 14 декабря 1825 г. Док. 1.

³ Восстание декабристов (далее – ВД). Т. I. С. 437–439.

⁴ См.: Дело канцелярии дежурного генерала Главного штаба е.и.в. ... об отправлении в Санкт-Петербургскую крепость солдат – участников восстания 1825 г. Док. 4.

⁵ Солдаты Московского полка о 14 декабря 1825 г. // Красный архив. 1925. Т. 13. С. 288–292.

⁶ Ссылки, данные А. Шебаловым, неточны, к тому же с тех пор изменилось место хранения фонда Главного штаба, переданного из Центрального исторического архива в Ленинграде в организованный в Москве Центральный государственный военно-исторический архив (ныне: РГВИА).

Новые сведения о событиях 14 декабря в Гвардейском морском экипаже¹ содержат дела Д.Н. Лермантова, А.Р. Цебрикова, П.Ф. Миллера, В.А. Шпейера. Все они не были причастны к подготовке восстания и предварительным совещаниям, в то же время все четверо оказались на Сенатской площади: по их словам, они отправились вслед за вышедшими из повиновения солдатами в надежде призвать их к порядку, но, оказавшись на площади и оценив обстановку, «увидев страшную толпу людей и бесчинство» (А.Р. Цебриков), «дошед до площади и предвидя из того худые последствия» (Д.Н. Лермантов), возвратились в казармы. Заметим, что такое объяснение событий вносит серьезные коррективы в высказывавшееся в литературе мнение, будто «в Гвардейском экипаже почти все офицеры, все ротные командиры подали матросам пример непослушания и пошли на площадь вместе с экипажем»². Офицеры Экипажа, как и лейб-гренадер, на следствии поясняли, что не могли предоставить нижних чинов самим себе и считали долгом находиться при своей команде. Отвечая на вопросы Следственного комитета, офицеры-моряки подробно описали происшествия того дня в казармах Экипажа. В делах сохранились и составленные полковой следственной комиссией выписки об их поступках (надо заметить, впрочем, что по информативности они уступают выпискам, делавшимся комиссией при Московском полку). Дело еще одного офицера Экипажа, мичмана И.С. Овсова, показывает, что он оказался совершенно случайным свидетелем восстания: он болел и вовсе не был в полку 14 декабря, но в разгар событий получил известие, что умирает его тетка, отправился к ней через Исаакиевский мост и, стоя на Адмиралтейском бульваре, наблюдал за происходящим.

Сходную с событиями в Морском экипаже картину рисуют и публикуемые дела офицеров лейб-гвардии Гренадерского полка. В принадлежности к тайному обществу подозревался лишь один из них – М.М. Корсаков (вопросы о его членстве были заданы руководителям Северного общества³). Но как раз он-то в восстании и не участвовал: Корсаков служил в батальоне, квартировавшем за городом, и оказался в Петербурге лишь потому, что рапортовался больным. 14 декабря он при полку не был, но за несколько дней до восстания по приглашению П.Г. Каховского участвовал в некоторых совещаниях. Других лейб-гренадерских офицеров – Н.Р. Меллина, А.А. Шторха, П.Д. Прянишникова – на Сенатскую площадь увлекло, по их утверждению, общее движение войск. Меллин, придя на площадь с полком и «увидя неистовое намерение людей», вместе с «прочими офицерами» отошел в сторону⁴ и впоследствии находился рядом с раненым полковником Стюрлером. А.А. Шторх после принесения присяги отправился с товарищами по приказу Стюрлера во дворец, куда чиновники съезжались для торжественного молебна, из дворца увидел идущий мимо свой полк «с знаменами, с полковым командиром и с офицерами» и «почел за долг примкнуть к нему»: «Распрашиваю, куда идут и зачем, но получаю в ответ только “не знаю”», – и так Шторх дошел до Сенатской площади и оказался в мятежном каре «ни по какому

¹ Говоря о событиях в Экипаже, нельзя не упомянуть важный штрих, который публикуемые документы привносят в историю междоусобицы. Мы видим, что еще 12 декабря приезд Константина Павловича в столицу ожидался настолько определенно, что морское ведомство было озабочено подготовкой иллюминации (см. Приложение. РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 1. Д. 108. Док. 1). Наблюдение о значении указанного документа принадлежит А.А. Кононову.

² Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. С. 325.

³ См.: Дело М.М. Корсакова. Док. 2 (1) – 9 (8).

⁴ См.: Дело Н.Р. Меллина. Док. 2 (1).

внушению, а по истинной моей глупости»¹. П.Д. Прянишников также утверждал, что «бежал из казарм вместе с полком и со всеми офицерами, полагая за нарушение воинской дисциплины оставить батальон... и при том же не зная, куда и зачем бегут солдаты», и прибавил, что уже у Адмиралтейства спрашивал у батальонного командира, «куда нам деться», на что получил ответ: «Как же можно оставить солдат одних, они Бог знает что могут наделать, итак должно быть при них»². В деле Прянишникова обнаруживается примечательный момент: себе в оправдание он заявил, что позднее боялся покинуть бунтовщиков, поскольку на его глазах Е.П. Оболенский удержал в каре прапорщика Лелякина, приставив к его груди пистолет. Следствие довольно тщательно расследовало этот эпизод и пришло к выводу, что он придуман Прянишниковым, за что его и пристыдили в вопросах от 13 февраля (док. 9 (8)).

Позднее, в мае 1826 г., уже на завершающем этапе следствия, Комитет вновь обратился с расспросами к лейб-гренадерским офицерам – бывшим свидетелями ранения полковника Стюрлера, в том числе и Н.Р. Меллину³. Никто из них не смог достаточно отчетливо описать стрелявшего в Стюрлера, даже Меллин, видевший его близко и говоривший с ним⁴. Сами они объясняли это царившей суматохой и нервным напряжением; но закрадывается подозрение, что наличествовало и нежелание помогать следствию, хотя сами эти офицеры не примкнули к восстанию и о гибели своего полковника сожалели.

Следственные дела офицеров восставших полков многими выразительными штрихами дополняют известную нам картину восстания на Сенатской площади, помогают полнее проникнуть в атмосферу того дня, полного волнения, тревоги, торжественности и страха, нервного напряжения, всеобщего чувства, что в эти минуты решается дальнейшая судьба и участников выступления, и нового императора, и престола. Из этих документов видно, как мучительно и смятенно искали гвардейцы свое место в событиях. Ведь, кажется, впервые в истории России в тот день для стольких людей встал вопрос об определении своей гражданской позиции.

Многие офицеры свидетельствовали, что были увлечены на площадь солдатами. А сами солдаты? Им попеременно приписывали то невольное заблуждение в верности присяге Константину, то склонность к спонтанному «буйству», то неспособность к ответственному поведению («нельзя оставлять одних»), то сочувствие революционным устремлениям. Настроения солдат, их отношение к происходившему, конечно же, интересовали исследователей, в особенности советских, старавшихся собрать сведения о рядовых участниках декабристского восстания, вычленив отдельные лица из «серой солдатской массы», проанализировать их взгляды⁵.

¹ Дело А.А. Шторха. Док. 3 (1).

² Дело П.Д. Прянишникова. Док. 10 (9).

³ См.: Дело о собрании сведений, кто нанес смертельные раны полковнику Стюрлеру и графу Милорадовичу.

⁴ Там же. Док. 10.

⁵ См., например: Габаев Г.С. Солдаты – участники заговора и восстания декабристов // Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2. С. 357–364; Пушкин Б.С. К именному списку солдат Московского полка, участвовавших в восстании 14 декабря 1825 года // Декабристы и их время. Т. 2. С. 365–366; Гессен С.Я. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930; Одиноца М.К. Солдаты-декабристы // Сибирские огни. 1928. № 6. С. 217–221; Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов. 1816–1825 гг. М., 1963; Кодан С.В., Марголис А.Д. К истории участия солдат в восстании декабристов // Сибирь и декабристы. Вып. 3. Иркутск, 1983. С. 23–39. Немалое внимание солдатам уделено в трудах М.В. Нечкиной «Движение декабристов» и «День 14 декабря 1825 г.».

Сделать это оказывалось затруднительно, потому что до нас дошло чрезвычайно мало показаний солдат – участников восстания, равно как и сведений о них самих. Лишь некоторые из них были допрошены по горячим следам В.В. Левашовым и В.Ф. Адлербергом¹. Материалы полковых комиссий, проводивших более обстоятельные допросы, как мы уже говорили, утрачены, сохранились лишь отдельные фрагменты в копиях. 19 декабря 1825 г. Николай I высочайшим манифестом объявил все нижние чины, участвовавшие в восстании «как невольны к тому по заблуждению увлеченных», невиновными в государственном преступлении, – в силу чего и особого следствия о рядовых участниках восстания не было.

После ликвидации восстания те рядовые, кто добровольно вернулся в свои казармы, были таким образом высочайше прощены и впоследствии отправлены заглаживать свой проступок на Кавказ – из них был сформирован лейб-гвардии Сводный полк. Солдаты, пытавшиеся при подавлении восстания оказать сопротивление и схваченные правительственными войсками, были сначала заключены в Петропавловскую крепость, а затем отправлены по финляндским крепостям (Выборг, Кексгольм)². Переписка об этом содержится в публикуемом деле Следственного комитета о нижних чинах³, а также в материалах, помещаемых в приложении⁴. В делах военного ведомства сохранился ряд списков содержащихся в крепостях солдат с описанием их поступков 14 декабря; один из таких списков, наиболее полный, помещается в приложении⁵.

Наконец, несколько солдат были отданы под суд за то, что в ходе восстания совершили преступления служебного порядка: оказание прямого неповиновения непосредственному начальству, порчу или потерю знамени и т. п. В отношении рядовых имели место два судебных дела: одно касалось унтер-офицера лейб-гвардии Московского полка Александра Луцкого и рядового того же полка Николая Поветкина, другое – шестерых рядовых лейб-гвардии Гренадерского полка. Приговоры по обоим были вынесены спустя некоторое время по завершении процесса по делу декабристов в середине 1827 г.

Всепоподданнейший доклад Аудиториатского департамента по делу Луцкого и Поветкина был опубликован Б.Л. Модзалевским и А.А. Сиверсом в приложении к тому VIII «Восстания декабристов» в 1925 г.⁶ Публикация была осуществлена по копии документа, хранящейся в составе архива III Отделения собственной е.и.в. канцелярии⁷. Попытки обнаружить подлинник этого доклада, равно как и остальные материалы следствия о Луцком и Поветкине, в фондах РГВИА не

¹ См.: Дело о нижних чинах, участвовавших в возмущении 14 декабря 1825... Док. 1, 2, 6, а также справку об этом деле.

² Подробнее об этом см.: Габаев Г.С. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. // Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 195–197.

³ Б.С. Пушкин, автор существующей ныне описи фонда Следственного комитета, на основании материалов этого дела написал часть своей статьи, касающуюся рядовых солдат, приведя выдержки из документов (см.: Пушкин Б. Арест декабристов // Декабристы и их время. Т. 2. С. 409–413).

⁴ См. дело канцелярии дежурного генерала Главного штаба об отправке рядовых участников восстания в Санкт-Петербургскую крепость.

⁵ Из дела канцелярии дежурного генерала Главного штаба е.и.в. о нижних чинах лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, замешанных по происшествию 14 декабря 1825 г. Док. 5.

⁶ ВД. Т. VIII. С. 253–259.

⁷ Ныне: ГА РФ. Ф. 109.

увенчались успехом¹. В то же время в фонде канцелярии дежурного генерала Главного штаба е.и.в. сохранилась копия допроса Луцкого, снятого В.В. Левашовым. Подлинник его должен был бы находиться среди материалов фонда Следственного комитета, в делах которого хранятся все записи Левашова, однако по неясным причинам его там нет (что весьма нетипично – записи Левашова сохранились практически полностью). Таким образом, до нас дошла лишь упомянутая копия, помещаемая в приложении к настоящему тому².

Если дело Луцкого и Поветкина благодаря публикации Модзалевского и Сиверса было введено в научный оборот, то о втором солдатском деле, по которому были осуждены шесть лейб-гренадер упоминаний в литературе меньше³. Опирались при этом исследователи на документы о пребывании бывших лейб-гренадер в сибирской каторге и скудные сведения об их участии в восстании на Сенатской площади, имеющиеся в списках виновных солдат, хранящихся в РГВИА в фонде канцелярии дежурного генерала Главного штаба (Ф. 36. Оп. 4. Св. 22. Д. 334). Один из этих списков наряду с другими документами указанного дела помещен в настоящем издании (Дело о нижних чинах лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, замешанных по происшествию 14 декабря 1825 г., док. 5). В то же время публикуемое нами дело Аудиториатского департамента Главного штаба е.и.в. «О выключенных по происшествию 14 декабря 1825 года лейб-гвардии из Гренадерского полка унтер-офицере Т. Федотове, барабанщике Ф. Трофимове, рядовых П. Долговязове, Д. Сысоеве, С. Рыгове и Г. Мезенцове» до сих пор не попадало в поле зрения исследователей⁴. По-видимому, впервые оно было выявлено при составлении декабристского справочника по фондам РГВИА. Таким образом, дело о шести лейб-гренадерах представляет особый интерес. Оно сообщает новые подробности, особенно о начальной фазе восстания – выходе лейб-гренадер из казарм, доносит до нас непосредственные, живые эпизоды, существенно пополняющие картину восстания.

¹ По-видимому, эти материалы следует считать утраченными, так как ссылок на них не обнаруживается в указателе «Движение декабристов: Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР» (М., 1975), при составлении которого осуществлялось фронтальное выявление декабристских материалов РГВИА.

² Из дела канцелярии дежурного генерала Главного штаба е.и.в. о нижних чинах лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, замешанных по происшествию 14 декабря 1825 г. Док. 1. Подробнее см. справку об этих материалах.

³ Сведения о шести лейб-гренадерских солдатах не включены ни в алфавит Модзалевского–Сиверса, ни в новый декабристский биографический справочник; впервые их имена были обнаружены М.К. Одинцовой, опубликовавшей материалы о пребывании бывших лейб-гренадер на каторге (Одинцова М. Солдаты-декабристы // Сибирские огни. 1928. № 6. С. 217–221). Об осужденных лейб-гренадерах писали, в частности: С.Я. Гессен (Солдаты и матросы в восстании декабристов. С. 76–77, 103, 129, 145, 147, 149–150), М.В. Нечкина (Движение декабристов. Т. 2. С. 412), В.А. Федоров (Солдатское движение в годы декабристов. С. 184–186), С.В. Кодан и А.Д. Марголис (К истории участия солдат в восстании декабристов). Ряд документов о пребывании солдат – участников восстания на каторге см.: Декабристы. Архивы рассказывают: Каталог документов / Сост. Е.Ф. Калашникова. Чита, 2006. С. 11, 14, 21, 24, 45, 64–65.

⁴ За исключением, быть может, С.Я. Гессена, приложившего к своей книге «Солдаты и матросы в восстании декабристов» биографический словарь солдат-декабристов. Статьи о П. Долговязове, Т. Федотове и Ф. Трофимове оставляют впечатление, что автор был знаком с материалами аудиториатского дела. С другой стороны, имена Г. Мезенцева и Д. Сысоева Гессеном вовсе пропущены, а справка о С. Рыгове весьма лапидарна. Но поскольку книга С.Я. Гессена не снабжена ссылками на источники, судить о них сложно.

Как известно, среди полков, на которые рассчитывали декабристы, был гвардейский Финляндский. Пополняет наши сведения о настроениях в этом полку накануне восстания дело подпоручика А.И. Богданова, который 11 декабря присутствовал на совещании у Н.П. Репина, но затем отказался предпринимать какие-либо шаги вразрез с приказами начальства.

Волнения 14 декабря затронули не только три полка, вышедших на Сенатскую площадь. Присяга Николаю Павловичу и в других гвардейских частях сопровождалась неприятными происшествиями, хотя они и ушли в тень случившегося восстания. В первую очередь это касается лейб-гвардии Измайловского полка и гвардейской конной артиллерии.

Волнение в Измайловском полку было тем более показательным, что шефом его являлся сам великий князь Николай Павлович. Однако особой преданности ему полк 14 декабря не выказал. Подпоручики князь А.П. Вадбольский и М.П. Малютин вместе с Н.П. Кожевниковым, А.А. Фоком, А.Н. Андреевым советовали солдатам не присягать и брать боевые патроны. Малютин на следствии показал, что действовал согласно указаниям своего дяди К.Ф. Рылеева, к советам которого привык прислушиваться. Подпоручик К.П. Миллер 14 декабря при полку не находился: он служил в батальоне, квартировавшем в Петергофе, и в столице был в отпуске. Миллер был тем не менее арестован, так как жил на одной квартире со своим двоюродным братом А.А. Фоком, и естественно возникли подозрения о его причастности к заговору. В ответах Миллера на вопросы следствия содержатся любопытные штрихи подготовки декабристов к роковому дню: он рассказал, как накануне Фок искал себе пистолеты¹.

Был допрошен и полковник Измайловского полка А.П. Воейков. Он спокойно принес присягу вместе с полком, но потом услышал о ранении в Московском полку генерала Фридерикса, с которым прежде служил, и решил его проведать. Поездка в казармы москвитин в разгар восстания, конечно же, оказалась нехотелой и привлекла к нему внимание. К тому же при выводе полка для подавления восстания Воейков задавал полковому командиру вопросы, куда и зачем они идут. После первого допроса у генерала Левашова Воейков был отпущен. Его дело, помимо того что содержит некоторые подробности дня 14 декабря, свидетельствует еще и о степени настороженности правительства, тщательно проверявшего все казавшиеся подозрительными случаи.

Позднее у следствия вновь возникли вопросы к офицерам-измайловцам. К концу февраля были получены показания В.А. Дивова о слышанных измайловским поручиком И.П. Гудимом от сослуживцев братьев Львовых словах адмирала Н.С. Мордвинова, что он будет «до конца жизни своей» противиться присяге Николаю Павловичу. Вопрос о причастности Мордвинова, как и других известных либерализмом сановников, к делу декабристов расследовался очень тщательно. Гудим был арестован и допрошен. В отношении И.Ф. Львова следствие велось и прежде – имелись показания, что он знал о существовании тайного общества. Сообщение же Дивова повлекло за собой новую серию допросов и очных ставок. В результате получить достоверные улики против Мордвинова Следственный комитет не смог².

¹ См.: Дело К.П. Миллера. Док. 4 (3).

² Подробнее об этом сюжете см. справки к делам Гудима и Львова.

В тесной связи с делами измайловцев находится и следственное дело поручика лейб-гвардии Уланского полка А.А. Скалона. Уланы стояли в Стрельне и 14 декабря получили приказ идти к Петербургу. У Красного Кабака они остановились поблизости от 3-го батальона Измайловского полка, шедшего из Петергофа. В этом батальоне служили члены Северного общества А.С. Гангеблов и М.Д. Лаппа. Гангеблов дал показание, что Скалон, подойдя к измайловским офицерам, стал пересказывать слухи о происшествии в столице, заверяя, что и уланы ожидают только первого сигнала от измайловских, чтобы единодушно закричать: «Ура Константин!». Следственное дело Скалона, посвященное главным образом этому эпизоду, содержит интересные данные о распространении слухов о восстании (причем в тот же день, почти одновременно с самими событиями), реакции на них, настроениях в полках.

Негладко прошла присяга Николаю и в лейб-гвардии Конной артиллерии. Там прапорщики А.В. Малиновский, граф И.П. Коновницын и подпоручик А.Г. Вилламов отказались дать присягу, а когда бригадный командир посадил их под арест, вырвались силой и кричали солдатам: «Ребята, измена, вас обманывают, Константин Павлович не отказался, ура Константин!» Начальству удалось удержать полк в порядке и привести его к присяге, а ослушные офицеры, применив силу, убежали из казарм. И если Малиновский и Вилламов уехали на квартиры, то Коновницын отправился по городу объезжать казармы разных полков, возможно, пытаясь выполнить полученные накануне указания вождей восстания. Любопытна реакция Николая I, которому на фоне начавшихся событий на Сенатской площади доложили о проступке трех конно-артиллерийских офицеров: он заявил, что «не хочет знать имен сих шалунов», и велел их, к тому моменту уже одумавшихся, вернувшихся в казармы и присягнувших, освободить из-под ареста. Демонстрируя великодушие, молодой император, несомненно, рассчитывал укрепить свое влияние в беспокойном полку. Тем временем туда прибыл шеф гвардейской артиллерии великий князь Михаил Павлович, занявшийся немедленно «подробным расспросом ослушных» и выяснением обстановки в полку. Он же, вразрез с высочайшим приказом, распорядился с освобождением офицеров из-под ареста повременить.

Многие из публикуемых документов рисуют подробности разгрома восстания. Офицеры и солдаты рассказывали, куда они побежали, где пытались скрыться. Другие (как А.П. Вадбольский), наоборот, в оправдание себя расписывали, как пытались искупить колебания перед присягой усердным преследованием мятежников.

После подавления восстания на Сенатской площади Николай I наградил наиболее отличившихся при этом офицеров и нижних чинов верных ему войск. Для этого командиры полков подали рапорты с представлениями к наградам¹. Большинство из них ограничилось более-менее сухим перечнем представляемых, но командовавший лейб-гвардии Павловским полком полковник Арбузов составил обстоятельную записку о своих действиях во главе войск, стоявших 14 декабря у входа на Галерную улицу. Этот документ включен в приложения к настоящему изданию².

¹ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1862.

² См. Приложения. Из дела штаба Отдельного гвардейского корпуса о награждении офицеров и солдат, участвовавших в подавлении восстания 14 декабря 1825 г. Док. 2.

В первые часы после расстрела восстания нескольким из декабристов удалось если не добраться до собственного дома, то найти убежище в домах родных, знакомых, а то и незнакомых людей, чем те неизбежно оказывались вовлеченными в орбиту следствия. Н.Р. Цебриков вернулся на квартиру, которую занимал вместе с штаб-лекарем Финляндского полка Н.Г. Смирновым, и привел с собой Е.П. Оболенского. Смирнов был заподозрен в причастности к заговору и арестован, но вполне оправдался. Любопытно, что Цебрикову и Оболенскому удалось, если верить показаниям Смирнова, скрыть от него свое участие в недавних событиях, хотя они несомненно должны были оба быть далеко не в спокойном эмоциональном состоянии. В те дни Смирнов болел и не выходил из дому, но слухи о восстании до него дошли, он даже спросил Цебрикова, не замешаны ли они в этом деле, но, по его утверждению, поверил отрицательному ответу.

Другие «укрыватели» декабристов, напротив, прекрасно знали суть дела. А.А. Жандр приютил А.И. Одоевского и дал ему денег, объясняя это на допросе тем, что был лично обязан Одоевскому. Жандр был освобожден после первого допроса. Эпизод этот хорошо известен в литературе, тем не менее небольшое следственное дело Жандра полностью пока не опубликовано, и заполнить этот пробел представляется полезным.

К полковнику В.Е. Галямину вечером 14 декабря зашел А.О. Корнилович, признался, что участвовал в восстании, и просил переслать письмо к его матери. Галямин письмо сжег, что показалось следствию особенно подозрительным. Отвечая на допросах, Галямин сообщил новые подробности об обстановке в городе во время восстания: он в течение дня был в Главном штабе, но то и дело заходил в училище топографов, следя, чтобы никто не выходил на улицы.

Очень необычно дело, заведенное по поводу обращения в Следственный комитет А.Я. Лешевича-Бородулича. Из «Журнала заседаний» Комитета явствует, что он просил заключить его вместе с Н.А. Бестужевым и брался обратить его на путь истины, в чем Комитет ему отказал¹. Интерес Лешевича-Бородулича именно к Николаю Бестужеву объяснялся тем, что Бестужев укрылся в его доме в момент обстрела. Кроме того, в прошении на высочайшее имя и в сведениях, данных домовладельцами полиции, Лешевич-Бородулич описывал внешность еще одного человека, раненного картечью и умершего в его доме. Лешевич принял его за В.К. Кюхельбекера, настоящая же личность умершего так и осталась не установленной следствием. К делу оказался приобщен еще один любопытнейший документ: письмо Лешевича-Бородулича к Александру I от августа 1825 г., в котором он, основываясь на предсказаниях известного тогда прорицателя монаха Авеля, предупреждал царя об опасности, грозящей ему и императорской фамилии от предстоящего путешествия на юг страны. Письмо это, вероятно, находилось среди бумаг Александра I, переданных в Комитет. Тот, рассмотрев его 22 декабря вместе с прошением Лешевича-Бородулича, вынес курьезное, но бюрократически безукоризненное постановление: «как предсказание монаха Авеля относилось не далее ноября, то донесение Бородулича принять к сведению».

После поражения восстания и Николай, и Михаил Бестужевы предприняли попытки скрыться. Николай Александрович дошел пешком до Кронштадта, надеясь если не перебраться за границу, то укрыться на Толбухином маяке, матросы которого хорошо знали его по предыдущей службе; но на окраине Кронштадта

¹ ВД. Т. XVI. С. 33.

был узан и схвачен. Михаил Александрович нашел прибежище в доме актера Борецкого и затем сам сдался властям. Об этом подробно и драматично повествуется в воспоминаниях Михаила Александровича¹. Описание ареста Николая Бестужева в Кронштадте содержится и во многих декабристских мемуарах. Все эти тексты, разумеется, восходят к рассказам самого Николая Александровича, и сопоставление их приводит к выводу, что он рассказывал свои приключения многократно и, как многие хорошие рассказчики, то и дело привносил те или иные вариации². Сведения, исходившие от Николая Бестужева, проверялись документами о его аресте из архива военной по флоту канцелярии³. В настоящую публикацию включены еще два дела об аресте Н. Бестужева, тесно переплетенные между собой: это дело военного ведомства о награждении способствовавшего поимке Бестужева (опознавшего его) фейерверкера Белорусова и заведенное в связи с ним дело Следственного комитета, получившего запрос о Белорусове и допросившего об этом декабриста⁴. В публикуемом деле канцелярии дежурного генерала Главного штаба е.и.в., помимо подлинника показания Н.А. Бестужева об обстоятельствах его ареста, содержатся еще снятые кронштадтской полицией допросы всех присутствовавших при этом свидетелей – домочадцев Белорусова. Заметим, что допросы эти совпадают между собою не только содержательно, но и текстуально, скорее всего, это говорит о том, что полицмейстер и секретарь не затрудняли себя дословной записью слов каждого из допрашиваемых, а переписывали один и тот же составленный на основании их показаний текст.

Михаил Бестужев, повествуя о своем аресте, рассказал, что старался скрыть от властей, где и у кого он находился до явки с повинной, но тем не менее имя Борецкого стало известно следствию благодаря везшему Бестужева извозчику. Борецкий был допрошен вскоре после самого М. Бестужева (допрос В.В. Левашовым Бестужева имеет номер 33, Борецкого – 41). Он рассказал, как привез Бестужеву одежду для явки во дворец и был на этом отпущен. Полная публикация дела Борецкого (подобно делу А.А. Жандра) призвана если не снабдить исследователя какими-либо новыми данными, то ликвидировать пробел, существующий из-за неопубликованности документов и порождающий естественные вопросы об их содержании.

Аресты, начавшиеся с вечера 14 декабря, происходили в панике и спешке – Николаю I и его подчиненным еще только предстояло выяснить имена участников и руководителей выступления, понять, с какого рода явлением они столкнулись. Ведь в первый момент неясно было даже, стоит ли за событиями на Сенатской площади то самое тайное общество, доносы о существовании которого Николай Павлович получил накануне. Лишь постепенно из допросов задержанных стали вырисовываться истинные контуры движения декабристов. На первых же порах в число схваченных попадали случайные люди. Одних по каким-то причи-

¹ См.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 86–104.

² Многочисленные противоречия в описаниях ареста Н. Бестужева отмечались публикатором бестужевского мемуарного наследия М.К. Азадовским (см.: Воспоминания Бестужевых. С. 716–717).

³ См.: Барановская М.Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954. С. 80–81.

⁴ Оба дела ускользали от внимания биографов Бестужева, и хранящуюся в деле фонда 48 копию его показаний впервые опубликовал лишь В.А. Федоров в своей монографии о следствии и суде над декабристами (см.: Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 77–79).

нам задержали патрули на улицах вечером 14 декабря, другие были связаны с арестованными членами тайных обществ, навлекли на себя подозрение какими-то поступками, за которыми, как потом выяснилось, ничего предосудительного не стояло. Упуская из виду эти случайные и даже хаотичные аресты, равно как и неоправдавшиеся подозрения насчет некоторых лиц, мы не сможем представить себе реальной картины состояния и действий власти в первые часы и дни по восшествию на престол императора Николая I.

Дела лиц, арестованных случайно и по ошибке, представляют интерес еще в двух отношениях. Во-первых, в показаниях многие из них, описывая свои перемещения и поступки 14 декабря, сообщили новые штрихи, подробности обстановки в городе, эпизодов восстания и его кануна, а в некоторых делах содержатся и неопубликованные показания членов тайного общества. Во-вторых, зачастую эти дела замыкают круг допросов, затронувших ряд декабристов и отразившихся в их следственных делах (это можно сказать в первую очередь о деле О.М. Сомова). Таким образом, без них опубликованная часть следственных материалов оставалась неполной.

Среди схваченных уже вечером 14 декабря, допрошенных В.В. Левашовым и сравнительно быстро отпущенных были подпоручик корпуса топографов Е.В. Свечин (допрос Левашовым № 11¹), поручик лейб-гвардии Уланского полка П.Н. Креницын (допрос № 12), чиновник 8 класса П.Н. Русанов (допрос № 16), литератор О.М. Сомов (допрос № 19), полковник П.С. Подобедов (допрос № 22). Свечин ходил по городу, искал своих родственников – измайловских офицеров братьев Львовых и спрашивал о них в Преображенском полку, что показалось подозрительным. Более того, солдаты-преображенцы утверждали, что Свечин обратился к ним с упреком: «Что вы, ребята, худо присягали», но Свечин эти слова отрицал. П.Н. Креницын в тот вечер отправился к доктору и взят патрулем по приказу Николая Павловича за то, что был одет не в форму. Его отпустили, но позднее имена братьев Креницыных появились в показаниях декабристов в числе тех, кто знал о тайном обществе. Креницыных не стали арестовывать, но собрали о них сведения (в деле хранится показание Н.П. Кожевникова о разговоре у него А.А. Фока и А.Н. Андреева 13 декабря, во время которого присутствовали зашедшие случайно к Кожевникову Креницыны).

П.Н. Русанов вечером 14 декабря отправился в баню и из любопытства подошел к патрульным огням, и был арестован. Гораздо менее случайным был арест О.М. Сомова: он был тесно связан с К.Ф. Рылеевым и А.А. Бестужевым и дружески, и по литературным делам, и по службе в Российско-Американской компании, жил с ними в одном доме. Молва тотчас приписала Сомову близкое участие в заговоре; в печатном сообщении он был назван в числе главнейших заговорщиков. Реальность оказалась куда более скромной: Сомов членом тайного общества не был. Но имя его фигурировало во многих допросах: в публикуемом деле находятся вопросы, заданные о Сомове К.Ф. Рылееву, А.А. Бестужеву, С.П. Трубецкому, Н.А. Бестужеву. В тех же вопросных пунктах содержался также и вопрос о причастности О.В. Горского, поэтому ответы руководителей Северного общества о Горском хранятся в публикуемом деле Сомова.

¹ Снятые В.В. Левашовым допросы имеют порядковую нумерацию – таким образом, значит, Свечин был одиннадцатым среди приведенных во дворец арестантов, Креницын – двенадцатым и т. д.

Особый интерес представляет дело П.С. Подобедова, незаслуженно обойденное вниманием исследователей. Полковник Подобедов находился по особым поручениям при Санкт-Петербургском военном губернаторе М.А. Милорадовиче. Среди всех дел Следственного комитета это, пожалуй, единственное, из которого неясна непосредственная причина ареста. Подобедов не был ни замешан в восстании, ни назван в чьих-либо показаниях, ни связан с кем-либо из декабристов. Более того, В.В. Левашов даже не задал ему дежурного вопроса о знакомстве с Рылеевым, Бестужевыми и прочими. Остается полагать, что арестован он был как раз из-за близости к Милорадовичу: возможно, Николай I надеялся из допроса Подобедова узнать подоплеку действий столичного губернатора в дни междуцарствия. Впрочем, если такого рода вопросы и были заданы Подобедову устно, то записывать их Левашов не стал. Зафиксированные им показания повествуют лишь о том, как Подобедов ездил за врачом для раненого графа и находился затем при нем до самой его смерти. Арест Подобедова – лишний штрих, демонстрирующий неоднозначность позиции Милорадовича и сложность положения Николая Павловича.

В начале двадцатых чисел декабря 1825 г. Левашовым был допрошен сенатский регистратор М.И. Васильев (допрос № 52). Арестовали его 14 декабря на службе, так как он после обеда явился на свое место нетрезвым, с «замаранными кровью руками» и рассказывал о происшествии на площади. Служивцы сочли необходимым донести об этом начальству и составить соответствующие бумаги. Заметим, что Васильев – единственный попавший в поле зрения Следственного комитета человек из толпы зевак, окружавших Сенатскую площадь. Он рассказал, что стоял на углу Галерной улицы, «когда же учинены были выстрелы из пушек, то в толпе народа, пустившегося в бег, меня так сжали, что несли на плечах, а потом с ног свалили. После чего, как я пришел в канцелярию с замаранными в крови руками и что говорил в оной, от опьяненности и испуга совершенно ничего не помню»¹.

Тогда же, в первой половине двадцатых чисел декабря, были арестованы и допрошены по поводу причастности к тайному обществу юнкер лейб-гвардии Конного полка кн. А.А. Суворов, титулярный советник А. Очкин, в последних числах декабря – титулярный советник Павлов, а в первой декаде января 1826 г. – штабс-капитан Н.П. Крюков. Суворов показал, что весной 1825 г. имел разговор с А.И. Одоевским, пригласившим его в тайное общество, но не придавал ему особого значения, а дня за три до 14 декабря на вопрос Одоевского о предстоящей присяге ответил, что присягнет вместе с полком. Сразу после допроса у Левашова Суворов был освобожден по высочайшему повелению.

Причины арестов последних троих из названных лиц были сходны: Очкин жил в одном доме с Н.П. Репиным²; Павлов был близко знаком с А.С. Горожанским и вместе с ним наблюдал восстание из окон Сената («в то время, приметя, что Гражданский менялся в лице, я над ним смеялся, говоря, что как военный человек может быть столь робок»³); Н.П. Крюков жил вместе с С.М. Палицыным и М.Н. Глебовым. Крюков в своих показаниях рассказал о визитах П.Г. Каховского

¹ Дело М.И. Васильева. Док. 4 (3).

² При аресте А. Очкина произошел казус: сначала по ошибке взяли его брата П. Очкина, но отпустили сразу же, как только при допросе у Левашова выяснилось, что жил с Репиным не он.

³ Дело Павлова. Док. 2 (1).

к Палицыну, об их разговорах в канун присяги Николаю Павловичу и вечером после восстания.

В литературе не раз ставился вопрос о количестве убитых и раненых 14 декабря. При наличии богатой и обширной историографии восстания на Сенатской площади вопрос о жертвах его так и не был разрешен. Более того, остались практически неиспользованными архивные источники, в первую очередь из фондов РГВИА.

Сведения о потерях отдельных гвардейских полков появились еще до революции в полковых историях¹. В 1907 г. журнал «Былое» опубликовал два документа: «Список раненым нижним чинам 14 декабря со стороны противной, которые находятся в госпиталях» от 16 декабря 1825 г. и «Ведомость о числе людей и лошадей, убитых и раненых 14 декабря 1825 г. в войсках, бывших при его императорском величестве и впоследствии от ран умерших по сие число, 24 декабря 1825 г.»². Документы эти были опубликованы без ссылок на место хранения и каких-либо комментариев – из публикации остается непонятно, кто именно и для чего составлял эти ведомости. Внести ясность поможет помещение их в настоящем издании³ в контексте дел штаба Гвардейского корпуса, занимавшегося после восстания проверкой и сведением списков солдат восставших частей, выяснявшего, сколько из них оказалось убитыми, ранеными, заключенными в крепости, сколько вернулось к своей команде и сколько осталось пропавшими без вести.

Данные этих документов – так же, как и полковых историй – послужили источниками для работы Г.С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года», вышедшей в 1926 г. в виде приложения к книге А.Е. Преснякова «14 декабря 1825 года»⁴. К сожалению, статья Габаева не снабжена ссылками на источники, и хотя в авторском введении содержится указание на работу его помимо прочего и с архивными материалами, в том числе делами штаба Гвардейского корпуса, сложно установить, насколько полно он мог с ними ознакомиться. В целом, по данным Габаева, при подавлении восстания пострадало в общей сложности не менее 83 человек военнослужащих. Офицер л.-гв. Конного полка В.Р. Каульбарс, участвовавший в подавлении восстания и затем ночью дежуривший на площади, в своих воспоминаниях привел сходные данные: по его мнению, «этот день стоил жизни семидесяти или восьмидесяти человекам» (в это число мемуарист включил и умерших от ран). По свидетельству Каульбарса, он видел тела погибших, снесенные полицией к ограде Исаакиевского собора, и вместе с товарищами насчитал 56 трупов⁵.

Между тем в Петербурге курсировали слухи о множестве погибших, о том, что полиция, поспешив убрать кровавые следы с улиц, в ту же ночь сбросила собранные трупы в проруби на Неве. Эти рассказы приводятся в записке чиновника III Отделения М.М. Попова «Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г.»⁶, в целом ряде воспоминаний⁷.

¹ См.: Пестриков Н.С. История л.-гв. Московского полка. Т. 2. С. 5–43 и примечания к тому.

² Былое. 1907. № 3 (15). С. 194–199.

³ См. Приложение. РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1611. Док. 17, 35.

⁴ См.: Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926.

⁵ Из воспоминаний В.Р. Каульбарса // 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 169.

⁶ Былое. 1907. № 3 (15). С. 192–193.

⁷ См.: 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999.

В 1970 г. новые данные по этому вопросу опубликовал П.Я. Канн¹. Речь идет о документе, написанном рукой С.Н. Корсакова, в декабре 1825 г. чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел, и извлеченном из архивного фонда Корсакова. Документ составлен в виде таблицы; но ни источники, из которых Корсаков мог получить эти сведения, ни обстоятельства составления им этой записки совершенно неясны. Между тем данные, приводимые Корсаковым, значительно превышают все прежде называвшиеся: 17 убитых обер-офицеров разных полков, солдат л.-гв. Московского полка – 93, Гренадерского – 69, Гвардейского экипажа – 103 и Конного – 17; более 900 гражданских лиц; а в общей сложности – 1271 человек. Эти цифры П.Я. Канн счел правдоподобными, по его мнению, «подсчеты официальных лиц явно занижены. Фальсификация фактов служила цели приглушить общественный резонанс событий 14 декабря»². С ним согласилась академик М.В. Нечкина, также полагавшая, что из всех существующих данных записка Корсакова вызывает «наибольшее доверие»³.

Данные Корсакова были оспорены С.В. Коданом и А.Д. Марголисом, приведшими ряд весьма убедительных доводов. Во-первых, совершенно неясно, кто именно были указанные в списке 17 убитых обер-офицеров. История гвардии известна достаточно хорошо, и никаких сведений о таком количестве погибших офицеров нигде нет; более того, существуют и списки числившихся в службе офицеров, и возможность установить их биографии – никаких подтверждений данным Корсакова не обнаруживается. Во-вторых, Кодан и Марголис приводят общие соображения о вероятном числе жертв картечного обстрела: «Военная статистика потерь свидетельствует, что на одного убитого в бою приходится 3–4 раненых. Если верить Корсакову, то к 1271 убитому надо прибавить около 4 тысяч раненых. Между тем известно, что на Сенатской площади было сделано семь выстрелов картечью [...], а картечный снаряд ближнего действия содержал около 100 пуль (картечин)»⁴.

Характерно, что участники изложенной дискуссии не обращались к делам военно-исторического архива. И хотя публикуемые дела так и не позволяют назвать окончательную цифру жертв дня восстания (как видно из документов, судьба некоторого числа солдат осталась неясной, к тому же военное ведомство не занималось подсчетами потерь среди гражданского населения⁵), но они несомненно свидетельствуют, что близки к истине данные, названные Г.С. Габаевым, что же касается цифр из записки Корсакова, то они ни с чем несообразны. Несостоятельным оказывается и аргумент о замалчивании официальной статистикой истинных масштабов потерь. Собственно, он изначально выглядит довольно шатким, поскольку базируется, по существу, на исследовательском убеждении, что потери во время восстания были бы безусловно вменены публикой в вину правительству. Однако это явная модернизация, относящаяся к временам позднего, развитого революционного движения и жесткого противостояния либерального и радикального общества правительству. К моменту восстания декабристов такой ситуации еще не существовало, и, как представляется, образованное общество

¹ См.: Канн П.Я. О числе жертв 14 декабря 1825 г. // История СССР. 1970. № 6. С. 114–115.

² Там же. С. 114.

³ Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. 3-е изд. М., 1985. С. 209.

⁴ См.: Кодан С.В., Марголис А.Д. К истории участия солдат в восстании декабристов // Сибирь и декабристы. Вып. 3. Иркутск, 1983. С. 24.

⁵ О том, что потери среди гражданских лиц действительно имелись, свидетельствуют фрагментарные данные, содержащиеся в рапортах госпиталей морского ведомства (см. Приложение).

вполне могло бы вменить последствия восстания его зачинщикам, а действия правительства (при условии, что они не переходят определенной черты) счесть вынужденными. Более того, ссылка на стремление власти «приглушить общественный резонанс» декабрьского восстания упускает из виду тот простой факт, что мы в любом случае имеем дело с данными, которые никто и не собирався официально сообщать публике. Кстати, циркулировавшие тогда слухи называли существенно большее число пострадавших¹.

Впрочем, сами материалы штаба Гвардейского корпуса убеждают, что к проблемам формирования общественного мнения они никакого отношения не имеют. Это сугубо деловая, прагматичная внутриведомственная переписка, направленная исключительно на выяснение, в каком состоянии и где находится личный состав гвардейских полков. Мы можем проследить, как день за днем в штабе собирались, сопоставлялись, сверялись сведения из полков, госпиталей, гауптвахт и из крепости, устанавливалось местонахождение каждого солдата. Эти списки позволяют оценить потери восстания, а также узнать имена солдат, стоявших на Сенатской площади.

Небезынтересна и иная информация, которую можно извлечь из дел штаба Гвардейского корпуса. Ведомость об утраченных восставшим л.-гв. Московским полком боевых патронах дает некоторое представление о степени интенсивности боя на Сенатской площади. Для публикации в данном томе была отобрана также и часть материалов о сборе после восстания разбросанного по городу полкового имущества². Они, во-первых, вносят новые штрихи в наши представления о картине восстания; во-вторых, в некоторых случаях дают косвенную возможность судить о спорных обстоятельствах. Так, мы видим, что после сведения штабом Гвардейского корпуса всех данных некоторое количество солдат восставших полков продолжало числиться пропавшими без вести. Как явствует из документов³, в штабе корпуса были склонны считать этих людей не погибшими, а убежавшими, и затребовали из полков сведения об их приметах и месте жительства родных. Среди помещаемых в данном томе показаний встречаются упоминания, что солдаты, разбегаясь, бросали оружие, амуницию и обмундирование, переодевались в обычное платье. А в списках собранного на улицах Петербурга полкового имущества значится солдатское обмундирование (причем не только мундиры, но и форменные штаны), и в количестве, сопоставимом с числом пропавших рядовых. Это заставляет считать, что штаб Гвардейского корпуса мог быть близок к истине в своих предположениях.

Наконец, среди публикуемых материалов есть документы, открывающие для нас совершенно новую, никогда не затрагивавшуюся исследователями сторону последствий восстания. Это «Дело штаба Отдельного гвардейского корпуса о женах нижних чинов л.-гв. Московского и Гренадерского полков, выключенных по происшествию 14 декабря 1825 г. в Кавказский отдельный корпус, равно и о провианте им», и примыкающий к нему по смыслу документ морского ведомства о выдаче паспортов

¹ См.: 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев.

² Из этих материалов была отобрана лишь небольшая часть. Остальное см.: РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 890, 1612. Имеются аналогичные материалы и в фондах РГА ВМФ.

³ См.: Док. 27, 28, 29, 30, 41. Дела штаба Отдельного гвардейского корпуса о предоставлении командирами гвардейских частей ведомостей и списков солдат гвардейских частей, раненых, убитых и пропавших без вести во время восстания 14 декабря 1825 г. (РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1611).

и пособия женам погибших 14 декабря канониров Гвардейского экипажа¹. Само по себе то обстоятельство, что у солдат – участников восстания – были семьи, и 14 декабря должно было каким-то образом на них сказаться, до сих пор не становилось предметом обсуждения. Дела о женах мятежных солдат лишней раз показывают, что Николай I после столь неудачного дня восшествия на престол повел себя весьма гибко, заново выстраивая отношения с гвардией. Положение семей отправленных в Кавказский корпус рядовых решалось на высочайшем уровне. Сами рядовые участники выступления декабристов, как мы видели, не понесли серьезной кары, семьи же их не только не подверглись каким-либо репрессиям, но и продолжали пользоваться как обычными для семей гвардейцев пособиями от казны, так и назначенными специально для них, а желающие соединиться с мужьями смогли это сделать на тех же основаниях, что и любые семьи солдат, служивших на Кавказе. Даже попытка гвардейского начальства отселить из полковых казарм часть семей выбывших в л.-гв. Сводный полк солдат (что, с точки зрения командования гвардии, было вполне оправдано), кажется, не увенчалась успехом.

* * *

Подготовка текстов публикуемых в настоящем томе дел произведена в соответствии с правилами публикации исторических документов и традициями серии «Восстание декабристов». Документы в каждом деле расположены в хронологическом порядке, формулярные списки помещаются в начале дела после описи (за исключением дела М.И. Васильева, где формуляр являлся приложением к документам дела). Документы дела снабжены двойной нумерацией: первый номер – порядковый, второй – номер документа по описи дела; для документов, пропущенных в описи, вместо второго номера указан ноль; в делах, где опись отсутствует, номера даны только порядковые.

Тексты передаются по современной орфографии и пунктуации с сохранением индивидуальных особенностей написания. Сохраняются также разночтения в написании фамилий и географических названий. Пунктуация исправлена только в пределах фразы. Авторские подчеркивания в тексте выделены курсивом. Все имеющиеся в документе исправления и зачеркивания, подчеркивания и пометы карандашом оговариваются в подстрочных примечаниях. Там же указано, чьими почерками написаны текст документа и имеющиеся на нем пометы, резолюции и т. д. Определение почерков проделано для всех значимых документов следствия (вопросные пункты, показания, записи допросов, делопроизводственные пометы, резолюции) и не делалось для входящих писем, отпусков исходящей переписки, обложек и описей дел, справок и выписок из показаний, написанных чиновниками Следственного комитета.

Помещенные в приложении документы РГВИА и РГА ВМФ снабжены заголовками, составленными в соответствии с принятыми правилами, и порядковыми номерами в пределах каждого дела. Отбор документов для публикации оговорен в справках о делах. В подстрочных примечаниях приводятся сведения о тех документах из данных дел, которые могут понадобиться исследователю для установления истории создания публикуемых материалов (когда и в связи с чем был составлен документ и т. д.). Особых публикаторских решений потребовало со-

¹ См. Приложение (РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 1. Д. 118. Док. 4).

единение на страницах данного тома двух дел о фейерверкере Белорусове: из фонда Следственного комитета и из Российского военно-исторического архива. Часть документов этих дел совпадают, являясь оригиналом и отпуском одной и той же переписки. Кроме того, подлинник показания Н.А. Бестужева хранится в деле канцелярии дежурного генерала Главного штаба. Поскольку основным объектом публикации в серии «Восстание декабристов» являются материалы Следственного комитета, было решено воспроизвести полностью дело Следственного комитета о Белорусове, в его же составе поместить и показание Бестужева. Тексты дублирующихся документов в деле канцелярии дежурного генерала опускаются, но в то же время, чтобы дать читателю полное представление о составе дела, эти документы обозначаются заголовками и снабжаются перекрестными отсылками.

Сборник имеет научно-справочный аппарат, включающий справки о публикуемых делах, именной и предметно-географический указатели. Характер вошедших в настоящий том дел заставил видоизменить принятую форму справок. В предыдущих томах в справках содержались указания на имеющиеся в других, неопубликованных, делах фонда Следственного комитета показания декабриста, дело которого публикуется. В отношении героев данного тома эта практика теряет смысл, так как их показаний в других делах нет. Можно указать лишь единичные случаи, когда показания А.П. Вадбольского, Н.П. Кожевникова, В.А. Шпейера, А.А. Шторха, А.Р. Цебрикова встречаются в делах «О частных долгах, на арестованных лиц имеющихся» (ГА РФ. Ф. 48. Д. 301); «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжёлых дел» (Д. 303); «Об отобранных от арестованных лиц сведениях, не состоит ли у кого в залоге недвижимое имение, как в Опекунском совете, банке, так и в приказах общественного призрения» (Д. 304).

Для удобства работы с именованным указателем фамилии лиц, не имеющих прямого отношения к декабристским обществам и для кого оказалось невозможным установить инициалы, снабжены краткими аннотациями.

Публикация дел Следственного комитета по делу декабристов и материалов РГВИА подготовлена О.В. Эдельман, ею же написаны справки к ним и составлены указатели к тому. Материалы РГА ВМФ и справки к ним подготовлены к публикации А.А. Кононовым.

Книга «Восстание декабристов». Документы. Т. XXI подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, исследовательский проект № 99-01-00-312а.

О.В. Эдельман